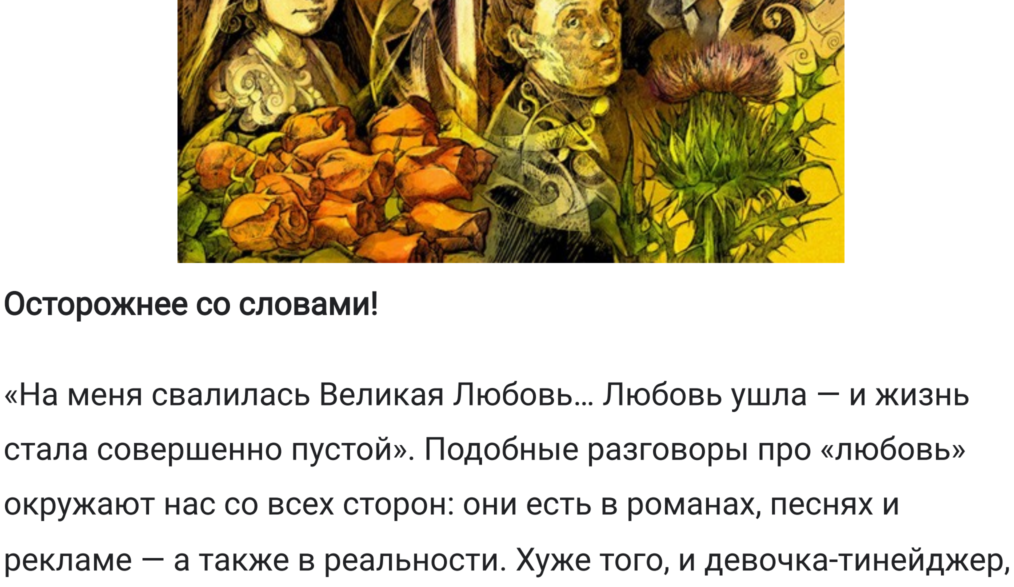
Влюбленность: грех или Божий дар?

14 февраля, 2012. Журнал «Нескучный Сад»

Слово «влюбленность» вызывает, наверное, самую противоречивую реакцию. Для одних влюбленность — «самое прекрасное, что есть на земле»! Для других — «это болезнь, ее надо лечить».

Слово «влюбленность» вызывает, наверное, самую противоречивую реакцию. Для одних влюбленность — «самое прекрасное, что есть на земле»! Для других — «это болезнь, ее надо лечить». **Влюбленность — основная тема искусства, от античного до современного. Даже Священное Писание не обходит ее стороной — взять хотя бы Песнь Песней. При этом Церковь очень мало говорит о влюбленности, у святых отцов про это практически ничего не написано, и мнение некоторых современных духовников иногда звучит очень категорично: «Влюбилась — кайся!»**

Так что же это такое — влюбленность? Страсть, грех, с которыми нужно бороться, или Божий дар, который есть ступенька на пути к любви? Вот несколько мнений.

Осторожнее со словами!

«На меня свалилась Великая Любовь… Любовь ушла — и жизнь стала совершенно пустой». Подобные разговоры про «любовь» окружают нас со всех сторон: они есть в романах, песнях и рекламе — а также в реальности. Хуже того, и девочка-тинейджер, влюбленная в Брэда Питта, и совершенно трезвый христианин могут сказать: «Любовь — самое главное в нашей жизни». Тут прежде всего хочется разобраться со словами. Ведь за ними стоят определенные представления, влияющие на наши поступки. Ложные представления об отношениях чреваты серьезными катастрофами. Так что четкость и ясность тут жизненно необходимы.

Серьезные психологи, свободные от идеологии массовой культуры (такие, например, как Эрих Фромм, Ролло Мей и Скотт Пек), напоминают нам о том, что «влюбленность» или «романтическую любовь» не стоит бездумно отождествлять с любовью. О том же твердят христиане — скажем, К. С. Льюис, — и это неудивительно: для христиан слово «любовь» слишком дорого стоит. Так что нам тут не помешает вдумчивое использование слов, а пока поставим популярную «любовь» в кавычки.

Блаженная болезнь

В XI веке великий врач Авиценна писал: «Любовь — заболевание, вроде наваждения, похожа на меланхолию» (надо понимать, что он имел в виду «влюбленность»). И хотя влюбленные с негодованием отвергнут столь циничную мысль, тут есть зерно истины. Влюбленность в ее острой форме — это прежде всего удивительно нетрезвое состояние. Это поток неуправляемых мыслей и фантазий, резкие перепады эмоций, от эйфорического полета до депрессивного мрака и тревоги. Хуже того — влюбленный слеп (сказать точнее, особенно слеп) относительно самого предмета своей «любви». Это удивительный парадокс: влюбленный желает смотреть только на одного человека в мире — и при том именно его в упор не замечает за своими фантазиями и проекциями. Он щедро преувеличивает в другом все хорошие качества и закрывает глаза на все его недостатки. Это состояние далеко от реализма — и недаром романтика предпочитает полумрак дневному свету.

Можно вполне обоснованно назвать такое состояние преходящим психическим расстройством — пусть и приятным субъективно. Американская исследовательница романтической любви Дороти Теннов справедливо относит влюбленность к категории навязчивых мыслей. Даже при отсутствии всякой реакции со стороны объекта обожания влюбленный снова и снова, помимо своей воли, думает о нем, прокручивает в голове воображаемые разговоры и сцены (которые в 99% случаев не происходят) и не в силах от этого отключиться — даже в четыре часа утра.

Кроме того, влюбленность создает устойчивую иллюзию: это навсегда, это вечно. Хотя объективно любой человек прекрасно знает, что это преходящий феномен, который кончится через год-другой или, в лучшем случае, через три года. Но влюбленные снова и снова уверяют: «Это будет длиться вечно!» — и снова и снова узнают, что это кончается. Так влюбленность несет в себе невыполнимое обещание.

Похоже ли это состояние на настоящую любовь, когда один, жертвуя собой и «не ища своего», заботится о другом? Сходство тут есть, но оно поверхностное. Скорее нереалистичное и нестойкое состояние влюбленности стоит где-то на грани эгоизма и подлинной любви.

Куда она зовет

Влюбленность — это своеобразный кризис. Любой кризис остро ставит вопросы: чего я хочу, зачем живу и куда иду. Кризис может разрушать, может возрождать и менять к лучшему. Человек не выбирает, заболеть ему влюбленностью или нет, но он четко знает , чего хочет (и чего не хочет), у него больше шансов превратить свою влюбленность во что-то хорошее. Кого-то влюбленность окрыляет, зовет на подвиги и делает смелее, так что человек неожиданно для себя делает новые вещи и пересекает барьеры. Она пробуждает от привычного сна, вынуждает поставить под вопрос свою самодостаточность и выйти за рамки эгоизма. Она приглашает жить для других. Но влюбленность остается только лишь призывом, указателем на потенциальное будущее.

В частности, в нашей культуре с нее, как правило, начинается авантюра брака. Может быть, если бы не безумие влюбленности, мало бы кто осмелился на такой риск.

Изобретение влюбленности

Мы привыкли думать, что «любовь» (то есть влюбленность) — единственное достойное основание заключения и сохранения брака. Историки, занимающиеся культурой, скажут, что это новшество сравнительно недавнего времени. Разумеется, переживание влюбленности встречалось — но оно не было основанием для брака. В Европе об этом заговорили в литературе в Средние века (можно вспомнить Данте или историю Абеляра), но браки все равно заключались семьями родителей. Затем такие ценности, как свобода выбора, индивидуализм и автономия, плюс буржуазная экономика сделали эту концепцию популярной, так что на Западе в XIX веке она стала всеобщим достоянием (хотя русские крестьяне еще сто лет назад ее не знали). Наконец, XX век, давший женщине экономическую самостоятельность, сделал романтическую любовь чуть ли не единственным поводом для брака. Так влюбленность обрела законный статус. Хотя во многих странах, например в Индии, браки до сих пор заключают преимущественно родительские семьи. При такой ситуации у людей существуют совершенно иные ожидания, которые могут показаться варварскими и бесчеловечными людям нашей культуры: сначала брак, потом «любовь». Так ли уж это бесчеловечно на самом деле? Индийские психологи Гупта и Сингх, на протяжении десяти лет исследовавшие несколько брачных пар, нашли, что в браках западного типа, начавшихся с влюбленности, романтические чувства постепенно убывают, тогда как за тот же период в браках, заключенных родителями, они растут, так что через пять лет совместной жизни становятся сильнее, чем в браках нашего типа. Тут есть, над чем задуматься.

Указательный знак

В нашей культуре представление о «любви» приобрело культовый (даже в религиозном смысле слова) статус — это спасение от одиночества, яркие переживания, полнота и единственное достойное основание для жизни вдвоем. Такая «любовь» падает на тебя с неба, как снег и дождь. Ты ничего не можешь с ней поделать, разве что радоваться ее приходу и оплакивать ее исчезновение. Это просто чувство, чудесное состояние сердца. Если эта «любовь» кончается, ты обязан разорвать отношения и искать следующую. Попытка соответствовать такому мифу обрекает современного человека на крупные неприятности, потому что этот миф не соответствует действительности. Однако почти все фильмы, романы, журналы и песни повествуют именно о такой «любви».

Да, нравится нам это или нет, в нашей культуре большинство пар образуются в период влюбленности. Но это только первый, младенческий этап потенциальной любви. Если на этом поставить точку в отношениях, ты рискуешь никогда не узнать, что бывает с отношениями дальше. Во-вторых, пассивное отношение к «любви» парализует. Влюбленность действительно «падает с неба», но настоящая любовь строится при участии воли и целенаправленных поступков. Когда анестезия влюбленности проходит, остаются два ужасающе разных человека, которым — если они хотят быть вместе — предстоит тяжелая работа. Тот, кто понимает, что это не просто состояние сердца, и чувствует себя не пассивным получателем, а агентом любви, имеет великие преимущества.

Есть немало ситуаций, например призвание к безбрачию, когда кризис влюбленности может служить путем к «расширению сердца». Влюбленность, которая порождает брачную пару, это нечто вроде аванса перед началом долгого пути. В браке есть сверхзадача, на которую влюбленность с ее иллюзорным «навсегда» только намекает и указывает. И у любого призвания есть своя сверхзадача, большая, чем просто романтические отношения. Влюбленность — это указательный знак, но не место назначения. На знаке написано слово «любовь», но знак не есть любовь. Тут есть куда двигаться, нам предстоит большой путь.

Михаил ЗАВАЛОВ, публицист, психолог

Читайте также: